Близость

Автор:
Татьяна Мосеева

Близость

Татьяна Мосеева

Стихи современного поэта Татьяны Мосеевой, написанные в 2005—2014 гг. Ранее публиковались в литературных журналах в России и за рубежом («Вавилон», REZ), антологии «Музыка и карусель» (Кемерово, 2004), «Братская колыбель» (Москва, 2004), «По непрочному воздуху» (Москва, 2005) и др. Автор книг «Снежные люди» (2005) и «Близость» (2014). Участница фестивалей видеопоэзии, фестиваля гражданской поэзии, фестиваля искусств им. Юрия Башмета. Стихи переведены на англ. и кит. языки.

Близость

Татьяна Мосеева

Редактор Елена Сунцова

© Татьяна Мосеева, 2018

ISBN 978-5-4474-0142-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

@

У академии Фрунзе

Две гея костлявых

Снежками кидают

Никак

Друг в друга

Попасть не могут

Чертова

Сложная

Сладкая

Меткая

Близость

Еду домой мимо них с гауптвахты

И продолжаю порохом пахнуть

Искрить

и на них посматривать

Гей косоглазый мой

Гей мелкожопый

Выйдь из тумана

С ножом

Вот, попадает снежком

Что же будет

Что будет что будет

Потом

@

научи меня любить родину

вот это всё, которое просто жизнь, каждый день

попадая из состояния в состояние

переносится из зрения в голову

которой, как говорит горшкова, я зарабатываю

ведь кроме прочего

я фиксирую червоточины

в моих жестах в твою сторону

в твоих словах в мою сторону

в жестах и словах контролера в жулебино

в грязной раковине

в отсутствии туалетной бумаги в поезде

кабы я выбирала чем раниться

выбирала бы только важное

ненасыщенное и влажное

и не сладкое и не кислое

перспективное для работы со смыслами

а так —

шкура распоротого животного

подделка госбилетов запрещена законом

сонный таможенник

торт и пирожные

вся как на ладони, от слова божьего

понятная от чацкого

до невозможного

петропавловска-камчатского

@

странно: язык не вертится – ни сдачу взять на прощание

хочется самое лучшее, самое вкусное – тебе

мы правильные мещане,

но истратили ощущание

и ты колесо рукой

останавливаешь, отрекаясь,

так нежно и так легко

а всего-то нападало за год

пара яблок и то не в подол

на дегустации дыни

мы были, взвешивали мятные стебли

все пин-коды – одно только имя

которого будто и не было

как тележки везут меж рядами

манекенов, лелеющих имена

гордых женщин и марок сухого вина

я люблю тебя, хочешь поужинать с нами

Крымские походы в кино

Кинотеатр в Евпатории

Сьюзан Сэрэндон

из семейства кошачьих

плакать не любит и

никогда не плачет

в кино не пускают

но пишут, что будет весело

в тех же зеленых креслах

что и 40 лет назад

церковь на набережной:

дин-дон дин-дон

сьюзан сэрэн-дин-дон

где-то лондон-дин-дон

и такой же дождь

если бы дождь был как стена

как берлинская например

и делила мир пополам

и мир делился бы пополам

плавясь как полимер

глупость какая, боже

я о чем: мокрые ни на кого не похожи

сухой мокрому не товарищ

сухой от мокрого далеко падает

и если ты после фильма в дождь попадаешь

меня это только радует

Дорога

блондинка с корнями

оксана акиньшина

оранжевый жилет

вертикальная палочка

смотрит под ноги

поезд проносится

живущие у железных дорог

думают, что можно уехать

в любой момент

чтобы жить триста лет

в каком-нибудь другом месте

Санаторий

ну что тут блин за такое

что тут за такое блин

гладишь рукою

прислоняешься щекою

трешься ногою

а она пионерка садовая

белая, ни капли загара

ни грамма совести

в рубашке с закатанными рукавами

и галстуком тоже белым

с книгой без букв как живая

как мертвая просит:

«поцелуй меня, московская девочка,

ленин жив, между ног поцелуй

это время никуда не кончалось

это жизнь на качелях качалась

здесь еще не такое случалось

ленин жив, я люблю, ты целуй»

так глаголит она и спрягает

и ветки ко мне нагибает

и взглядом скользит по фигуре

и просит

о последнем кайфе

а старая нянька ведра выносит

и пальцем грозит вечной дуре

Элегия

расти в длину и выйдет зоосад

и будешь ты пятнист и телом леп

и будешь ты, взирая свысока

на остальных, жевать пучок травы.

не горькая, как тысячи лекарств

которые ты пил

не сладкая, как домашнее вино

которое ты пил

ты будешь мягким, как твоя постель

в какой-нибудь мороз

и добрым, как одолженный модем

соединявший сто ночей подряд

москву и мэриленд

ворсистым как ковер за 8 тыщ

счастливым как другой такой же зверь

@

а мы собрались – и не пошли,

забыв все, что могло нам помочь

держаться за руки в эту ночь

туфли не жали, билеты были, а ноги не шли

мы сидели тихо, ниже воды

спрессованные дождем, забывали дышать

чтобы не дай бог тревога не переросла в действие,

действие – в дерево, а где дерево – там и душа

лишняя на эти квадратные метры, из которых сложена моя кровать

сложно представить, что что-то еще возможно

сегодня, в данный момент, где-то в центре Москвы

и я вычитаю себя осторожно – в воздухе разрезая швы

и я дополняю – ах нет, это было бы ложью —

и я растворяюсь с мизинцев до головы

@

пускай не хочешь телом называть

ту часть тебя, которую мы раньше <нрзб>

ты отрекаешься деля себя на пять

и кажешься искусней, хрупче, тоньше

и все картины мозга – лето, дачу,

паденье яблок, полосатых кошек —

до растворения в стакане кипятка

доводишь – он уж полон весь —

и ctrl+z его erase

тел нет, то миллионы клеток

кусали в ядра сотни клеток

но никогда не будет деток

а мы как ветер между веток

а мы как жаберное пенье

несвязное неразуменье

@

Е. Ф.

я не каждому это говорю

и не то чтобы я был большой знаток

как зерно покрывающий животом

кулак или божий яблочный черенок

прилипала и банный лист

не то чтобы я был чист, речист

и имел какую-то масть —

все равно я бы не дал тебе упасть

я бы стал тебя прижимать

не докучая, а молча так

как собачку му-му на ладони большой

как крестьянскую девочку в сене

чтобы было все всегда хорошо

рабе божией, стоящей на одном колене:

зимой теплый мех, радио без помех

@

Ни одной душе не хватает металла

Как бы душа тогда затрепетала

Как лист жестяной

В рабочих руках

Как бы сверхновая батарея впитала

частицы солнца в голубых облаках

Нобелевский комитет сходит с ума

Физики мира предпочитают напиться

В институте солнца из фильма «Весна»

Начинают петь песни и веселиться

Если б металл оказался внутри… —

Так мечтала Мария Кюри

И тысячи душ защищены

От всякой заразы, любой чумы

@

сложить как фантик, будто так и было

пустой и легкий все-таки предмет

стереть из памяти хотя бы мыло

размер ноги этаж рецепт дыхание привет

без запятых – без пауз и без продолжений

вода-вода кругом вода как линза на глаза

меж пальцев пробираются движения

и расплетаются как девичья коса

Лето, 15 июня

школьники сдают егэ

клерки летят на солнце

там где чайка застревает в водосточной трубе

и вылетает сувениром, то есть даже не портится

и ты идешь и ты блестишь

на расстоянии пожарном

и убываешь шаг за шагом в свой косметический париж

а я вбираю гладь да тишь, что ты молчишь высокопарно

ведь есть бесчисленные токи между мною и тобой

чтобы в каждой песне пелось и по радио крутилось

лето в затяжном финале, а старалось на убой

чтобы сердце трепыхалось, то есть билось

@

вдруг рассасывается необъяснимо

не задержишь ни боже мой

ни моей рукой, ни твоей, ни высшей

так расползаются вещи любимые

еле видимо, еле слышно

не заметные до конца

лишь друзья говорят: ребята,

время ставить заплаты,

время делить зарплаты,

бежать на Карпаты

в общем, разным тканям разные латы,

листики мяты

вот несу тебе палку

розовой ваты,

нецелованной, виноватой

плату быть твоей вошью,

неподкованной и роскошной

@

какая машина тебя избрала

отныне и впредь

какой генератор

без прежних привычек, без понимания ситуации,

без вкуса, без зацепок за будущее,

ну, когда будет тридцать

вопросы приобретут еще более

еще более значимый смысл

и что же мне делать

когда я смотрю на тебя, понимая

что и эта и та и любая другая

подошла бы не хуже тебя

меняя свои фотографии, книжки и диски

куря и смотря по-другому

по-другому совсем разминая картофель

по-другому совсем сочиняя мне профиль

по-другому совсем приучив меня к дому

другому

@

отъебись, реальность

светлая знакомая

таджик, метлой избавь ее от листьев

скатай их горла в ком

свяжи им руки

национальный валовый повысив

когда они заламывают руки —

метафизические «они» и «мы» – «другие» —

как дойные коровы от науки

даем им имя, возраст и профессию

мы называем их, упоминаем

при разговоре с психотерапевтом

мы разъезжаемся к своим окошкам

мы пишем им историю по буквам

пиная их тела и поджигая

за все убитые минуты жизни

горячий фен, канаву за сараем

и далее

прости

молчать едва честней, чем ненавидеть

за все, что было

без меня с тобою

до февраля, когда я смог родиться

когда стал вынужден любить

все то живое

что стало вынуждено биться для меня

@

ты мой google

слово «секс»

на первом месте

я dot com

я узакониваю право

думать ни о ком

@

– вы же не всегда будете вместе.

сказала

кассир магазина оптики,

оформляя две разные

дисконтные карты

вместо одной

накопительной

Таксист

—…5 лет возил, а он снимал

ругался матом, выпивал

всё в 90-х, всё давно

прошло

отснято всё его кино

про волжских золотых булгар

теперь он вроде сед и стар

наощупь помню каждый кадр

ведь я возил его, ну да

вчера буквально, ну тогда

ни пробок, ни бомжей в метро

и в легких – целая страна

одно событие на жизнь

и не война, и не война

@

подруга, жена топ-менеджера,

с желудочным отравлением

на банкетке обняв колени

в очереди на узи:

ну вот

вот и дожили до зимы

вы-то как? – мы-то держимся

друг за дружку

за пушок на спине и живот

на двуспальной кровати

остается место:

мы сплелись, как липкие пальцы,

как на них тесто

перед жареной неизвестностью

@

когда напиваюсь, мне кажется,

что сейчас март

не в том плане, что мокро и холодно,

а в том, что мы только вчера познакомились

@

каждый раз, когда говорю «люблю»

кажется, что умираю

кажется, что уже завтра умру

и что-то важное не успеваю

как будто ты не знаешь, чего и как

зачем это вино и это мороженое

зачем каждый кадр из серии «просто так»

сохраняется вместе с абсолютно похожим

зачем за руку, зачем двумя руками, зачем

я прошу не отвечать, когда не знаешь, что ответить

а еще только раз, два с иголочкой, два и четверть

два с ниточкой – до трех целая вечность

два в периоде, три – и проснемся ничем

@

в 7 утра, выбираясь с 17-го этажа

из чужой художественной мастерской

(дом союза художников

подруга хозяйки: – они были не как шилов и церетели

но… понимаете… были…)

и звезды загадочной тройкой летели

месяц огромный, за шампанским в полтретьего

в доме напротив не спят только верхние

самолеты садятся на пень шереметьево

накрывают от ветра искусственным мехом —

я не сплю, ширли бейсси, я не сплю, мейко каджи

притворяешься спящей – и то тебе кажется

в 7 утра ты готов целовать весь этаж

мы долго едем на землю

на земле ругаемся

@

футболка мятая, но совсем не пахнет

твоим

надоевшим парфюмом

рассчитываю подушки

на первый-второй

вышел ежик из тумана

пасту с фтором

из кармана

вынимает

деловой

затекла рука – с чего бы

рам облупленные скобы

кошек мяу, птиц чирик

говорю: – спокойной ночи

отвечает: – между прочим,

бьется бабочка в ночник

@

На улице открыли рай

Только нам туда не попасть, билет не достать

Я с кувалдой своей, не дает ни упасть, ни встать

От нее как орех, кокос bounty, раскалывается голова

А ты жертва неумелой акупунктуры-дуры

Я собираю буквы так часто, что забываю слова

Нарисуй этот рай по памяти, если нельзя с натуры

там такие зеленые листья, полупрозрачные, как желе

И райские птицы выводят со свистом:

Никого не жалеешь, жалеешь, жалеешь

А теперь пожалей, пожалей, пожалей

Научи меня говорить эти речи

Как они – по-простому, по-человечьи

@

читала тут стихи

со «звездой» (сашей гавриловым)

прочла не «чтобы было все всегда хорошо»

а «чтобы было все всегда нам хорошо»

вот, думаю, как оно вылезает

нещадно

как же я люблю (несбыточных) нас

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/moseeva_tat-yana/blizost

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить